

СЛАДОСТЬ ВЕЧНОЙ НОЧИ

РЭЙ ХАРТ

18+

Рэй Харт

Сладость вечной ночи

<https://litres.ru/73868158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина — учительница литературы. Она не верит в магию, любовь и счастливые финалы. Но однажды вечером портал затягивает её в Эльхейм — мир, где эльфы едят людей, а любовь запрещена под страхом смерти. Её спасает принц Айдан — красивый, как острый нож, и такой же смертельный. Его условие: он защищает её, а она учит его любви. У неё есть два дня, чтобы доказать всему эльфийскому двору, что любовь существует. Иначе её съедят прямо на глазах у зрителей.

Романтическое фэнтези с чёрным юмором, циничной героиней и эльфом, который не улыбался тысячу лет.

Рэй Харт

Сладость вечной ночи

Пролог. Та, кто не должна была выжить

Я никогда не верила в магию.

Даже когда в мой класс на уроке литературы влетела сова с янтарными глазами и вырвала страницу из «Евгения Онегина» — ту самую, где Татьяна пишет письмо. Сова уронила листок мне на стол, развернулась в воздухе, будто делала реверанс, и вылетела в форточку, которую завхоз клялась, что заколотила ещё в девяносто восьмом.

Даже когда мой директор, грузный мужчина с вечным запахом борща и одышкой после третьего этажа, оказался оборотнем — и я застала его в подсобке за поеданием сырого мяса из школьной столовой, причём он имел наглость сказать: «Лина Сергеевна, вы же понимаете, что белковая диета?»

Даже когда уборщица тётя Зина, сутулая женщина с золотыми зубами и вечной сигаретой в зубах, оказалась суккубом, которая каждое утро оттирала унитазы магией (отбеливатель с её помощью светился в темноте), а заодно обсуждала с призраком Пушкина, поселившимся в учительской, его любовные поэмы.

— Александр Сергеевич, — шамкала она, наявивая

шваброй, — вот вы писали «Я помню чудное мгновенье», а сами-то знали, что оно — чудное — в постели бывает раз в сто лет? Она, голубушка, не приходит по заказу. Магия с ней, а любовь — дура.

Пушкин (прозрачный, с бакенбардами и вечной мукой в глазах) вздыхал и цитировал что-то про «божественный глагол».

Всё это было слишком... пошло. Слишком человечно даже для нечеловеческого мира.

Я думала — нет, я была уверена, вызубрила кожей, — что магия — это грязные сделки, поломанные судьбы и обязательная точка G, которую тебе обещают найти все эти романы для девочек, написанные женщинами, которые, возможно, сами никогда её не находили. Магия — это когда обещают чудо, а дают кредит. Когда платишь душой — получаешь фальшивку.

А потом я увидела «его».

И поняла: магия существует. Но она не в палочках и порталах на вокзале. Не в летающих совах и болтливых призраках.

Просто она вырезана из света и боли, и у неё длинные светлые волосы, которые хлещут по ветру, как живые, как змеи Медузы Горгоны, но без убийственности — с какой-то древней, забытой человечеством печалью.

Но обо всём по порядку.

Меня зовут Лина. Мне двадцать шесть.

Я школьная учительница литературы. Да-да, ирония судьбы: сама не верю в сказки, но заставляю детей читать про Рапунцель и Золушку, а потом писать сочинения на тему «Что такое любовь?» Получается всегда одно и то же: «Любовь — это когда мама готовит борщ», или «Любовь — это когда дарят айфон», или (шедевр девятиклассника Смирнова, которого я запомню навсегда) «Любовь — это когда тебя не бьют, как человек жуёт».

Я очков не ношу — зрение минус три, но линзы научилась вставлять за пять секунд, не глядя в зеркало. Иногда надеваю маску строгой тёти: высокий пучок, чёрная водолазка, взгляд, заставляющий даже самого отъявленного хулигана на мгновение задуматься — а не слишком ли дорого ему обойдётся эта карикатура на Пушкина, нарисованная на парте.

Живу я в однокомнатной квартире на окраине. Стены — в книжных полках, забитых до состояния «ещё одна книга — и они рухнут». На кухне — вечная гречка в пластиковых контейнерах, потому что на большее не хватает ни времени, ни желания, ни зарплаты. По вечерам я проверяю тетради, пью растворимый кофе (марка «Жокей», красная пачка), и иногда, когда особенно тоскливо, открываю «Анну Каренину» на сцене, где она бросается под поезд. Не чтобы поплакать. Чтобы напомнить себе: даже классики не знали, как правильно любить.

В ту пятницу я шла домой через парк.

Обычный парк в спальном районе. С качелями, которые

скрипят, как старые бабки. Со скамейками, на которых пьют пиво после шести вечера — мужчины в трениках, женщины с начёсами, которые когда-то были красивыми. С фонарями, из которых горит каждый второй, и создаётся впечатление, что мир постепенно моргает, готовясь закрыть глаза навсегда.

Стоял сентябрь. Листья пахли горечью и увяданием.

Я шла и думала о том, что завтра нужно будет объяснить десятому «Б», почему «Война и мир» — это не скучно. И что Наташа Ростова — вовсе не дурочка, а просто живая. И что Пьер Безухов, несмотря на его толщину, — единственный нормальный мужчина в русской литературе. И что, возможно, если бы я встретила Пьера в реальности, я бы тоже в него влюбилась, а не в того парня с филфака, который бросил меня после третьего курса со словами «ты слишком умная, с тобой невозможно просто молчать».

Ничего не предвещало портала.

Я просто услышала странный звук — будто кто-то разрывает небо надвое. Медленно, со вкусом, как опытный мясник, разделявающий тушу. Звук шёл не сверху — изнутри. Из самой ткани реальности, из швов, которыми прошит мир.

А потом земля ушла из-под ног.

Знаешь это чувство, когда проваливаешься в пустоту, а внутри — не страх, а какая-то пьяная злость? Типа: «Ну серьёзно? Я только купила бальзам для волос с кератином (промокод на скидку, между прочим, выписывала три дня),

и тут какая-то межпространственная дыра, которая не даст мне даже попробовать его в действии?»

Я летела. Не вниз — вбок, вверх, выворачиваясь наизнанку, как носки, которые пытаешься снять мокрыми руками.

В ушах шумело. В глазах — цвета, каких не бывает в моем мире. Фиолетовый, который пахнет мятой. Зеленый, который звенит. Красный, который жжётся.

Я приземлилась на мягкий мох.

Вокруг — лес. Только не такой, как в моём парке, где деревья стоят по стойке смирно, как солдаты на параде, и даже ветки растут в правильном, геометрически выверенном направлении. Здесь всё было неправильно.

Деревья росли корнями вверх — корявые, перекрученные, покрытые наростами, похожими на лица застывших в крике людей. Стволы уходили в небо тонкими ветвями, похожими на вены на руке наркомана. Воздух пах цветами и мёдом — но так густо, а приторно, что начинала кружиться голова. На ветвях сидели существа с человеческими лицами и паучьими лапами — волосатыми, сочлененными, с когтями, которыми они перебирали воздух, как арфисты струны.

Они смотрели на меня.

Улыбались огромными треугольными клыками.

— Новенькая, — прошелестел один, приближаясь ко мне на своей странной, ломаной походке. Глаза у него были разного цвета: один — желтый, как у совы, другой — черный, без зрачка. — Девственная. Вкусная.

Я машинально перехватила сумку с тетрадами. Кожаная, потеряя, с оторванной ручкой, которую я чинила изолентой. Внутри — тридцать три сочинения на тему «Образ Татьяны Лариной как нравственный идеал Пушкина». Двадцать девять из них начинались с фразы «Татьяна была красивая» и заканчивались на полуслове.

— Только попробуй, — сказала я, даже не удивившись собственной смелости. — У меня зачётка по физкультуре в школе, я тебе эти лапы в узел завяжу. И не смотри, что я маленькая — я злая.

Существо засмеялось — сухо, трескуче, как сухие ветки в костре.

А потом из чащи вышли другие.

Эльфы.

Я сразу поняла, что это они. Не из «Властелина колец» — боже упаси, не из Леголас с его пластмассовой красотой и идеальными скулами для открыток. Эти были из кошмаров фригидных поэтесс, которые писали стихи о несбывшемся в запойных блогах.

Высокие. Слишком высокие — два с половиной метра, не меньше. Бледные — до синевы, как трупы, пролежавшие в воде неделю. С жёлтыми, зелёными, красными глазами. Их одежды — живые лозы и шелка, которые текли по телам, как вода по камню, обнажая под тонкой тканью мышцы, впадины, ключицы, выступающие, как скалы.

Они меня окружили.

Я почувствовала запах — тлен и гнилые цветы, и под ним — что-то сладкое, приторное, как сироп, в который добавили мышьяк.

— Дар Ночи, — сказал один, с чёрными венами под глазами — вены пульсировали, как живые черви. — Самка из Серого мира. Её кровь — ключ к тому, что мы забыли. Кровь — память. Кровь — любовь.

Я не поняла ни слова — они говорили на языке, который звучал, как перевернутая латынь, — но инстинкты завопили так громко, что перебили даже шум в голове: «беги, дура, беги, пока не стало поздно».

Я побежала.

Куда — неважно. Вглубь леса, где корни вздымались дыбом, как спины вынырывающих китов. Где воздух становился густым, как патока, в которой тонут мухи. Где каждый шаг отдавался эхом, возвращаясь ко мне насмешкой: «ты здесь чужая, ты здесь еда».

Я споткнулась о корень, похожий на согнутую спину. Упала. Содрала колени — острая боль обожгла, и я увидела кровь, тёмную в этом странном свете, почти чёрную.

Эльфы настигали.

Я слышала их дыхание — холодное, как сквозняк из открытого морга. Чувствовала их пальцы — слишком длинные, с суставами, которые сгибались не в ту сторону. Они тянулись ко мне, и воздух перед их ладонями становился влажным, как перед грозой.

— Не трогайте её.

Голос.

Низкий, как виолончель, покрытая инеем. Спокойный до жути — той жути, которая бывает только у тех, кто видел смерть так часто, что перестал её бояться. Голос шёл отовсюду — с неба, из земли, из воздуха, из моего собственного позвоночника.

Эльфы замерли. Отступили. Поклонились — так низко, что их носы почти коснулись земли.

Я подняла голову.

Он стоял на ветке — нет, на воздухе, в двух метрах над землёй, как будто гравитация была для него просто вежливой просьбой, на которую он иногда соглашается, а иногда — нет.

Светлые волосы падали на плечи, кончиками касаясь груди — не как у херувима, а как у хищника, который не следит за причёской, потому что ему не перед кем красоваться.

Янтарные глаза горели изнутри, как раскалённый мёд — в них не было света, в них было пламя, запертое в стекло.

Он был без рубашки. Только чёрные штаны из грубой ткани и ремень с золотыми насекомыми — застывшими жуками, у которых шевелились лапки.

Я смотрела на его тело и не могла отвести взгляд.

На его теле не было мышц в том смысле, к которому я привыкла по фитнес-блогерам, где парни накачивают бицепсы, чтобы собирать лайки. Это была «сухая, смертельная си-

ла» — как у дикой кошки, которая спит, но в любой момент может разорвать глотку. Каждый завиток мышц — как корень древнего дуба, каждый позвонок проступал сквозь кожу, каждый сустав был виден, как шарнир у куклы, сделанной не для игры, а для убийства.

На груди, на ключицах, на плечах — татуировки? Нет. Светящиеся узоры, как географическая карта неведомой страны. Они пульсировали в такт его дыханию.

— Принц, — прошипел эльф с чёрными венами и отступил ещё на шаг. — Прости. Мы не знали, что она...

— Что она моя? — закончил за него принц. — Теперь знаете. Убирайтесь.

Они исчезли. Просто растворились в воздухе, оставив после себя запах горелой серы и стыда.

Он спрыгнул. Бесшумно — я даже не услышала, как его босые ноги коснулись мха. Приблизился ко мне медленно, как приближаются к раненой птице — не из жалости, а из простого любопытства.

Наклонился.

Его лицо оказалось в сантиметре от моего. Я видела каждую пору, каждую трещинку на губах, каждую ресницу — они были белыми, как иней на окне в декабре.

— Ты ранена, — сказал он.

Провёл пальцем по моей щеке — там, где ветка хлестнула, когда я падала. На его пальце осталась кровь. Он поднёс палец к губам. Лизнул.

— Вкус... интересный. — Прикрыл глаза, как дегустатор дорогого вина. — Никто не пил из тебя раньше. Ты чистая.

— Я девственница, если ты об этом, — выпалила я, потому что в голове не было других слов, а тело трясло так, что я боялась, что мои зубы рассыплются. — И не надо пафосных речей про «вкус». Это унизительно даже для эльфа. Вы вообще в курсе, что каннибализм — это социально неприемлемо в семи из десяти миров?

Его губы дрогнули.

Я не поверила сначала. Но — да. Он улыбнулся. Краем губ, одними уголками, но это была улыбка. Настоящая. Не злая, не насмешливая. А скорее удивленная.

— Я не про то, человек. Девственность — это социальный конструкт, как ты верно заметила. А кровь — это магия. У тебя её слишком много для смертной. Ты кто? Ведьма? Полукровка? Результат эксперимента, о котором забыли сообщить?

— Я учительница литературы, — сказала я, пытаюсь встать. Ноги не слушались. — И это не магия. Это просто... усталость. И недосып. И, возможно, гастрит от гречки.

Он встал, подал мне руку. Ладонь — длинная, узкая, с идеально ровными ногтями. Ни одного мозоли — а это значит, что он никогда не работал физически. Принц, блин.

Я не взяла его руку. Встала сама — опираясь на корень, чертыхаясь, чувствуя, как кровь из разбитой коленки течёт вниз по ноге.

— Спасибо, что не дал меня съесть. — Я отряхнула юбку. Ткань порвалась. Отличное платье, между прочим, куплено на распродаже за тысячу двести рублей. — Но я пойду домой. Где тут у вас метро? Или автобус? Я не привередливая, даже маршрутка подойдет.

— Домой? — Он наклонил голову набок — жест, который у людей означал бы удивление, у него же — оценку. — Лина, ты в Эльхейме. Порталы закрываются раз в тысячу лет. Следующий откроется, когда твои кости станут пылью.

— Это шутка?

Молчание. Он смотрел на меня с таким выражением, будто я спросила, не слишком ли ярко светит солнце.

Внутри меня что-то оборвалось. Не сердце — нет, я не настолько клишированная, чтобы терять пульс при виде красивого мужчины. Оборвалось терпение. И страх. И то последнее доверие к миру, которое ещё теплилось после развода родителей, после предательства парня, после года в школе, где дети пишут сочинения с ошибками в слове «мама».

— Значит, — медленно сказала я, выдыхая, чтобы голос не дрожал, — ты предлагаешь мне здесь жить? Среди тех, кто хотел меня сожрать? Питаться мхом? Спать под деревьями с паучьими лапами? Ты в своем уме, принц?

— Я предлагаю тебе выжить. — Он сделал шаг. Потом ещё один. Мы оказались так близко, что я чувствовала тепло его тела — неестественно горячее, как будто под кожей у него текла не кровь, а расплавленный металл. Я почувствовала

запах — сосна и что-то тягучее, как мёд с перцем, и что-то ещё — горькое, как полынь. — Принц Айдан. Моя земля. Мои законы. Моя защита. В обмен на одну вещь.

— Какую? — Мой голос сел. Я ненавидела себя за это. За то, что он так близко, за то, что я не могу дышать, за то, что моё тело не слушается — и не хочет слушаться.

— Ты расскажешь мне, что такое любовь.

Я рассмеялась ему в лицо. От души, взхлёб, как не смеялась, наверное, со времён школы, когда Вовка Сидоров упал со стула на уроке физики.

— Принц, — я вытерла выступившие слезы, — я учительница литературы. Я знаю сто определений любви, и все они — ложь. Потому что любовь — это когда человек пишет в постель от страха потерять другого. Это когда ты готов убить, но боишься позвонить. Это когда вместо бессонницы — кошмары, а вместо кошмаров — пустота. Я могу прочитать тебе лекцию про Платона и гедонизм, про Овидия и его «Науку любви», про Бродского, который сказал, что любовь — это тоска по дому, которого нет. Но если ты хочешь настоящую любовь — иди в другую дверь. У меня её нет.

Айдан не улыбнулся.

Он смотрел на меня так, будто видел насквозь — не сквозь одежду, сквозь кожу, сквозь череп, прямо в мозг, где в извилинах путались чужие цитаты, несданные экзамены и вечная гречка. Будто я была не человеком, а прозрачной колбой с бурлящей жидкостью — и он читал химический состав.

— Ты не понимаешь, — тихо сказал он, и в его голосе вдруг проступило что-то, чего я не ожидала. Усталость. Тысячелетняя, выжженная усталость. — В Эльхейме нет любви. Мы забыли, как это — хотеть, страдать, ревновать, просыпаться и думать о ком-то, прежде чем о себе. У нас есть только обязанности, магия и голод. Бесконечный, высасывающий голод — по теплу, по крови, по чужой боли. А ты... ты пахнешь эмоциями. Как свежая рана, которую только что перевязали — но она все равно кровоточит.

Он развернулся и пошёл в чащу — пружинисто, бесшумно, как зверь, уходящий в свою тень.

Я осталась стоять, сжимая сумку с тетрадами, в которых ничего не понимающие дети писали сочинения про Татьяну Ларину, и чувствуя, как ветер этого мира — влажный, пахучий — треплет мои волосы.

— Эй, принц! — крикнула я ему в спину. — А если я не соглашусь?

Он не обернулся. Но я услышала — его голос пришёл откуда-то из воздуха, из мха под ногами, из корней деревьев.

— Тогда тебя съедят до того, как солнце этого мира взойдёт трижды. Выбирай, человек. Романтика или пищевая цепочка. У тебя есть ночь на раздумья. Но советую не думать слишком долго. Здесь — думают языком желудка.

Я осталась одна.

Стояла, смотрела на небо этого мира — оно было не чёрным, не синим, а фиолетовым, как синяк, с двумя лунами и

тремя звёздами, которые двигались по небу, как живые.

— Лина, — сказала я себе, — ты вляпалась. В прямом и переносном смысле. Ты — учительница литературы, которую спас от поедания эльфийский принц с телом убийцы и глазами психопата. И теперь тебе предстоит либо научить его любить, либо стать закуской.

Я достала телефон — экран не работал. Разумеется. В этом мире даже техника отказывается что-либо делать.

Тогда я села на мох, обхватила колени руками и заплакала от бессилия.

Потому что в моем мире, в моей квартире с книжными полками и гречкой, меня никто не ждал. Никто не хлопнул бы дверью, если бы я исчезла. Никто не поставил бы свечку за упокой моей души. Я была учительницей, которую через месяц заменила бы другая учительница, а через два — забыли бы все, кроме пары учеников, которые напишут в сочинениях: «А помните, была такая странная — заставляла читать Достоевского?»

И, возможно, именно поэтому — потому что нечего было терять — я решилась.

Я встала, вытерла слезы, поправила юбку и пошла в ту сторону, куда ушёл принц.

Мох хрустел под ногами. Две луны светили мне в спину.

Я дышала этим странным, приторным воздухом и думала: если уж умирать — то не одной. Если уж учить любви — то того, кто не знает, как это больно.

Глава 1. Урок первый: как не умереть в первый день

Дворец эльфов оказался сделан из живого дерева. Но не из брёвен, не из досок, не из фанеры — нет. Из «растущих» стволов, которые изгибались, образуя стены, лестницы, комнаты. Они дышали. Имели пульс — я видела, как кора вздувается и опадает в такт какому-то невидимому сердцу.

Внутри пахло смолой и древностью — той древностью, которая не измеряется годами, а измеряется эпохами, когда на месте моей планеты был ещё только газ и пыль. И сексом. Не знаю, как объяснить, но воздух здесь был влажным и тяжёлым, как перед грозой, как в комнате, где только что занимались любовью, — даже если никто здесь не занимался любовью тысячу лет.

Меня привели в комнату. Совсем без окон. Вместо кровати — углубление во мху, усыпанное лепестками чёрных роз, которые светились изнутри. И зеркало: огромное, в полный рост, в раме из переплетённых корней.

Я подошла к нему.

Из отражения смотрела не я.

Тем же лицом, теми же синими глазами, теми же тёмными волосами, растрёпанными после падения. Но что-то изменилось. Взгляд стал глубже — там, в глубине зрачков, мерцала искра, которой раньше не было. И на скулах — едва заметный золотистый отблеск, как будто кожу припудрили золой,

в которой перегорели звезды. Будто меня уже начали переваривать — медленно, со вкусом, начиная изнутри.

— Не нравится?

Я вздрогнула — так, что чуть не поскользнулась на мху. В дверях стоял Айдан. Он сменил одежду: на нем была чёрная туника с серебряной вышивкой, изображающей дерево с корнями выше кроны. Волосы собраны в низкий хвост. Без обуви — босые ступни, идеальные, с идеальными пальцами.

— Ты стучишься?

— Я — принц. Я не стучусь. — Он вошёл, не спрашивая разрешения, сел на край мха — так, как садятся на трон. — Раздевайся.

— Что? — Я даже рассмеялась — нервно, на грани истерики. — Принц, мы знакомы, может быть, час. Максимум два. Я не раздеваюсь на первом свидании. Даже если свидание устроил портал и мне грозит смерть от голодных эльфов.

— Тебе нужно привыкнуть к эльфийскому воздуху. Кожа должна дышать. Или ты стесняешься?

— Стесняюсь? — Я сжала ворот футболки так, что костяшки побелели. — Я каждый день стою перед классом из тридцати подростков, которые могут спросить что угодно. Меня уже давно ничего не стесняет. Но раздеваться перед незнакомым мужчиной — это, знаешь ли, базовый инстинкт самосохранения.

— Незнакомым? — Он приподнял бровь — одну, левую. Это было так человечно, так обыденно, что я на секунду за-

была, где нахожусь. — Двадцать минут, — поправил он. — И я не незнакомец. Я твой спаситель. По законам Эльхейма ты моя должница. Должница не имеет права на стыд.

— Это самое романтическое, что я слышала за последние полгода, — усмехнулась я, чувствуя, как внутри закипает злость — живая, спасительная злость, перебивающая страх. — Серьёзно, ты практикуешься в красноречии перед зеркалом? «Должница не имеет права на стыд» звучит как заголовок плохого любовного романа. Или как лозунг для секс-рабства. Выбирай, принц.

Айдан не обиделся. Он встал, подошёл вплотную — так близко, что я видела, как бьется жилка на его шее (редко, сильно, один удар — пауза — другой).

Выше меня на голову. Вблизи его красота была невыносимой — не как картина, которую можно рассматривать часами, а как острый нож, который с одного взгляда оставляет порез.

Его дыхание пахло медовухой — сладкой, хмельной, с горчинкой.

— Лина, — тихо сказал он, и моё имя в его устах звучало иначе — как заклинание, как пароль к чему-то, что я сама в себе не знала. — Ты не понимаешь правил. Здесь нет полиции, нет психологов, нет «горячих линий». Есть только магия и желание. А моё желание сейчас — чтобы ты сняла одежду, пропитанную чужим миром, и стала частью моего.

— Звучит как предложение.

— Так и есть. — Его пальцы легли на край моей футболки — легонько, почти невесомо, но я чувствовала каждый миллиметр его прикосновения, как будто он касался не ткани, а оголённого нерва. — Первое правило выживания в Эльхейме: не сопротивляйся тому, что сильнее. Учись принимать. Иначе сломаешься. А я не хочу, чтобы ты ломалась. Ты слишком интересная для этого.

— Ты угрожаешь мне сексом?

Он усмехнулся. Первая эмоция за всё время — настоящая, живая, не сыгранная. Уголок губ дёрнулся вверх — и мир стал чуточку теплее.

— Я предлагаю тебе обмен. Ты даёшь мне уроки любви. Я даю тебе уроки тела. Без этого ты не выживешь. Эльфы чувствуют страх и стыд как запах. Если будешь закрываться — тебя сожрут. Буквально. Не фигурально. Просто начнут есть живьём, начиная с пальцев ног, потому что так дольше.

Я молчала.

Считала до десяти. Потом до двадцати. Потом поняла, что считаю не удары своего сердца — а его ресницы. Белые, длинные, с загнутыми кончиками.

— Хорошо, — сказала я, удивляясь собственному голосу — спокойному, ровному, почти равнодушному. — Но без проникновения. Пока. Я девственница, и я не хочу, чтобы мой первый раз был с принцем, который смотрит на меня как на лабораторную мышь. Ты должен меня понять: я читала слишком много книг, где первый раз описывают как встречу

с богом. А на деле это боль и растерянность. Я не хочу портить себе статистику.

Айдан кивнул — медленно, торжественно, как заключают договор на крови.

— Договорились.

Он стянул футболку через мою голову быстро, без лишних движений — опытный, черт бы его побрал, знающий, как раздевают женщин, которые не знают, хотят ли быть раздетыми.

Я не успела испугаться — только выдохнула, когда прохладный воздух коснулся кожи на животе, на груди, на плечах.

Он не смотрел на мою грудь.

Смотрел в глаза.

— Теперь ты моя, — сказал он. — На время урока.

Опустил голову и коснулся губами моей ключицы — там, где бьётся пульс, там, где кожа тоньше всего.

Не поцеловал — просто прижался. Но я почувствовала, как тепло разливается по венам: не сверху вниз, а изнутри наружу, как будто он разжёл огонь в моем сердце, и пламя побежало по капиллярам. Тепло было сухим, чувственным, оно касалось каждого нерва, каждой клетки, каждого воспоминания, заставляя их гореть по-новому.

Я почувствовала, как мои соски затвердели от одного этого движения — я не могла это контролировать, не могла скрыть, и это было смущающе — и одновременно освобож-

дающе.

— Ты дрожишь, — прошептал он в мою кожу, и его дыхание обожгло ключицу, спустилось ниже, к груди, заставляя мышцы сокращаться в нервном ритме.

— Это от холода, — выдавила я, но голос предательски дрожал, ломался, как у школьницы на первом свидании.

— Не правда. — Он поднял голову, и его янтарные глаза смотрели в мои с такой уверенностью, что мне захотелось провалиться сквозь мох. — Это от желания. Эльфийское чутьё не обманешь. Ты пахнешь мёдом и грозой — так пахнет женщина, когда её тело говорит «да», даже если разум ещё не согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.